

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А

города М.

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 19

29 января 2026 года

Совет Адвокатской палаты города М. в составе ..., рассмотрев в закрытом заседании с участием адвоката Х. с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам Ф. от 07 июля 20.. года (вх. № ... от 15.09.20..) и от 10 июля 20.. года («Дополнение к жалобе», вх. № ... от 06.11.20..) в отношении адвоката Х. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города М. 10 декабря 20.. года вынесла заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (Участвуя в судопроизводстве, адвокат должен следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении) во взаимосвязи с пп. «а», «г» п. 4 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (Принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года), исполнении адвокатом Х. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Ф., что выразилось в невыяснении им времени фактического задержания Ф., и как следствие в невнесении им в протокол задержания Ф. от 16 апреля 20.. года замечаний с указанием сведений о времени его фактического задержания, имевшего место еще в 23.30 час. 15 апреля 20.. года, а также о нарушении следователем при составлении протокола задержания требований ч. 1 ст. 92 УПК РФ;

2) о неисполнении, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»,

Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), адвокатом Х. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Ф., что выразилось в незаявлении ходатайств об устранении нарушений прав Ф. на дачу показаний в качестве подозреваемого и обвиняемого, предусмотренных п. 2 ч. 4 ст. 46 и п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, при проведении следователем СО ОМВД России по району С. города М. капитаном юстиции Ч. его допросов 17 апреля 20. года;

3) о неисполнении, вопреки предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 во взаимосвязи с п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом Х. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Ф., выразившемся в неподаче им апелляционной жалобы на постановление Т. районного суда города М. от 18 апреля 2025 года об избрании в отношении Ф. меры пресечения в виде заключения под стражу;

4) о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 6 п. 4 ст. 6, пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (Участвуя в судопроизводстве, адвокат должен следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении) во взаимосвязи с п. 17 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, исполнении адвокатом Х. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Ф., что выразилось в отказе с 05 мая 20.. года от осуществления его защиты по уголовному делу № ..., находящемуся в производстве СО ОМВД России по району С. города М.;

5) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Х. по жалобам Ф. от 07 июля 20.. года (вх. № ... от 15.09.20..) и от 10 июля 20.. года (вх. № ... от 06.11.20..), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката Х. нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Х. в заседании Совета подтвердил своевременное получение заключения Квалификационной комиссии, с которым не согласился, поддержал свои письменные возражения на заключение Квалификационной комиссии (вх. № ... от 23.01.20..). Полагает, что в случаях, когда доверитель настаивает на самостоятельном заявлении ходатайств и совершении иных действий по делу, выражает уверенность в своей способности реализовать процессуальные права, адвокат не вправе возражать против этого в категоричной форме. Отвечая на вопросы членов Совета, подтвердил, что сведения о времени фактического задержания доверителя Ф. были ему известны от последнего, а впоследствии он устранился от принятой защиты

Ф. в связи с профессиональной занятостью по делам других доверителей в Республике А. и К. крае.

Заявитель Ф., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, содержится под стражей. Участие представителя не обеспечил, отношение к заключению Квалификационной комиссии не выразил. Учитывая указанные обстоятельства и руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, определяющего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное дело в отсутствие неявившегося заявителя Ф.

Рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвоката Х., Совет соглашается с заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве СО ОМВД России по району С. города М. находились уголовные дела № ..., возбужденное 22 января 20.. года по ч. 2 ст. 159 УК РФ, и № ..., возбужденное 12 февраля 20.. года по п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ, которые 16 апреля 20.. года были соединены в одно производство под № ... 15 апреля 20.. года в 23 часа 30 минут Ф. был фактически задержан и доставлен в ОМВД России по району С. города М.. После фактического задержания он допрашивался в качестве свидетеля и участвовал в очных ставках, не обращаясь к помощи адвоката. 16 апреля 20... года следователем была размещена заявка в АИС АПМ на обеспечение защиты Ф., которая была распределена адвокату Х. В тот же день адвокат Х. вступил в уголовное дело в качестве защитника Ф. по назначению, представив ордер.

16 апреля 20.. года в 22 часа 15 минут с участием защитника – адвоката Х. был составлен протокол задержания Ф. по подозрению в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 158 и ч. 2 ст. 159 УК РФ. Протокол задержания был подписан адвокатом Х. без замечаний, при этом Ф. от его подписания отказался, указав на нарушения, допущенные ранее при проведении следственных действий. 17 апреля 20.. года с участием защитника – адвоката Х. Ф. был допрошен в качестве подозреваемого, после чего ему было предъявлено обвинение, и он был допрошен в качестве обвиняемого. Протоколы этих допросов содержат заявления и замечания Ф. о неполноте фиксации его показаний, однако защитник – адвокат Х. указанные протоколы подписал без заявлений и замечаний.

18 апреля 20.. года Т. районным судом города М. с участием защитника – адвоката Х. было рассмотрено и удовлетворено ходатайство следователя об избрании Ф. меры пресечения в виде заключения под стражу. Апелляционную жалобу на указанное постановление суда адвокат Х. не подал, однако оно было обжаловано самим Ф.

05 мая 20.. года следователь инициировал процедуру замены адвоката Х. в АИС АПМ без вынесения процессуального решения и в отсутствие

оснований, предусмотренных ч. 3 ст. 50 УПК РФ. Адвокат Х., извещенный о своей замене, мер по восстановлению участия в защите не принял и 06 мая 20.. года заявил о согласии на осуществление защиты Ф. другим адвокатом по назначению, сославшись на нахождение в командировке. В дальнейшем адвокат Х. участия в защите Ф., в том числе в судебном заседании по рассмотрению апелляционной жалобы последнего, не принимал.

Таким образом, адвокат Х. фактически участвовал в уголовном деле в качестве защитника Ф. лишь с 16 по 18 апреля 20.. года.

Из жалоб Ф. следует, что им в отношении адвоката Х. выдвигаются следующие дисциплинарные обвинения:

– в неуказании в протоколе задержания Ф., несмотря на его соответствующие просьбы, даты и времени его фактического доставления в СО ОМВД района С. города М., имевшего место в 23.30 час. 15 апреля 20.. года, а также о нарушении следователем требований ч. 1 ст. 92 УПК РФ;

– в отсутствии реакции на проведение с участием Ф. следственных и иных процессуальных действий в ночное время непрерывно на протяжении шести часов без перерыва на отдых и прием пищи;

– в незаявлении замечаний на протоколы допроса Ф. в качестве подозреваемого и в качестве обвиняемого от 17 апреля 20.. года при неполной и искаженной фиксации следователем его показаний, включая отказ фиксировать обстоятельства, на которые Ф. ссылался в подтверждение своей непричастности к преступлению, предусмотренному п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ;

– в непринятии мер, направленных на вручение Ф. копии постановления о привлечении его в качестве обвиняемого от 17 апреля 2025 года;

– в неподаче апелляционной жалобы на постановление Т. районного суда города М. от 18 апреля 20.. года об избрании в отношении Ф. меры пресечения в виде заключения под стражу и в непринятии мер по представлению суду документов о времени его фактического задержания;

– в отказе от принятой на себя защиты Ф., выразившемся в фактическом самоустранении адвоката Х. от защиты после 18 апреля 2025 года;

– в непринятии мер по установлению обстоятельств, на которые ссылался Ф. в обоснование своей позиции о непричастности к инкриминируемым деяниям, включая невыяснение сведений о лицах, находившихся в квартире 10 января 20.. года, а также в неполучении и неистребовании видеозаписей и иных доказательств;

– в незаявлении ходатайств о проведении следственных действий, направленных на установление непричастности Ф. к совершению преступления, а также о восстановлении его нарушенных процессуальных прав, предусмотренных ст. 53 УПК РФ;

– в непринятии мер к выяснению у близких родственников Ф. вопроса о наличии защитника по соглашению;

– в умышленном создании препятствий в осуществлении защиты Ф., повлекшем невозможность доказывания его непричастности к совершению преступления.

Оценивая дисциплинарное обвинение, связанное с действиями адвоката Х. при составлении протокола задержания Ф., Совет исходит из следующего.

Участвуя в судопроизводстве, адвокат обязан честно, разумно, добросовестно и квалифицированно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае выявления нарушений ходатайствовать об их устранении (пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката). Согласно пп. «а», «г» п. 4 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве адвокат при первом свидании с подозреваемым или обвиняемым обязан выяснить обстоятельства задержания доверителя, в том числе момент его фактического задержания, а также установить, проводились ли с его участием следственные действия или оперативно-розыскные мероприятия в отсутствие защитника и не применялись ли при этом незаконные методы.

Как указано в Разъяснениях № 9 Совета Адвокатской палаты города М. по вопросам профессиональной этики адвоката «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению», к обстоятельствам, препятствующим принятию поручения на защиту по назначению, относится, в том числе, истечение 24 часов с момента фактического задержания подозреваемого, что означает обязательное выяснение этого момента адвокатом при вступлении в уголовное дело в качестве защитника.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что фактическое задержание Ф. имело место в 23 часа 30 минут 15 апреля 20.. года, тогда как протокол задержания был составлен следователем лишь 16 апреля 20.. года в 22 часа 15 минут. Это обстоятельство было известно адвокату Х. от Ф. и имело принципиальное значение для оценки соблюдения требований ч. 1 ст. 92 УПК РФ и защиты процессуальных прав доверителя. Обладая данной информацией и участвуя в качестве защитника Ф. в составлении протокола его задержания, адвокат Х. не отразил указанные сведения в протоколе, не внес замечания и не совершил никаких иных действий, направленных на устранение допущенного нарушения, хотя никаких препятствий для совершения таких действий по защите прав доверителя у него не имелось. Такое бездействие адвоката Х., безусловно, свидетельствует о ненадлежащем исполнении им профессиональных обязанностей по защите прав и законных интересов доверителя, в связи с чем Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката Х. в данной части опровергнутой, а его вину в описанном дисциплинарном нарушении – установленной.

К такому же выводу Совет приходит и в отношении дисциплинарного обвинения в ненадлежащем профессиональном поведении адвоката Х. при

участии в допросах Ф. в качестве подозреваемого и обвиняемого 17 апреля 20.. года.

Перечисленные выше обязанности адвоката, предусмотренные пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, предполагают активную процессуальную позицию защитника при получении показаний доверителя, в том числе профессиональное реагирование на любые ограничения права последнего изложить свою позицию либо при отказе следователя фиксировать сообщаемые доверителем обстоятельства.

Как установлено в результате дисциплинарного разбирательства, при допросах Ф. 17 апреля 20.. года им заявлялись обстоятельства, связанные с его непричастностью к совершению преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ, которые, по его утверждению, не были в полном объеме отражены в протоколах допросов в качестве подозреваемого и обвиняемого, а сам допрос в качестве подозреваемого был прерван следователем до изложения соответствующих показаний. Указанные обстоятельства отражены в заявлениях и замечаниях самого Ф., приобщенных к материалам уголовного дела, и не отрицаются адвокатом Х. Однако он, участвуя в указанных следственных действиях, не совершил никаких действий, направленных на устранение нарушений права Ф. на дачу показаний, в том числе на оспаривание подозрения и обвинения. В частности, адвокат Х. не сделал никаких заявлений о нарушении прав доверителя, не настаивал на продолжении его допроса и на внесении в протокол всех сведений, которые сообщал доверитель.

В этой связи Совет отмечает несостоятельность доводов адвоката Х. о том, что доверитель самостоятельно заявлял замечания и ходатайства, обладая значительным опытом участия в уголовном судопроизводстве, поскольку был неоднократно судим. Совет подчеркивает, что наличие у доверителя активной защитительной позиции и (или) опыта участия в судопроизводстве не только не освобождает адвоката-защитника от исполнения обязанностей профессионального советника по правовым вопросам, но и обязывает последнего оказать всемерную и квалифицированную поддержку доверителю в защите его прав. Выдвижение адвокатом Х. таких доводов свидетельствует о непонимании им назначения защитника в уголовном судопроизводстве.

При таких обстоятельствах бездействие адвоката Х. при допросах его доверителя Ф. 17 апреля 20.. года при описанных обстоятельствах свидетельствует о ненадлежащем исполнении им профессиональных обязанностей и не может быть оправдано ни тактическими соображениями, ни поведением доверителя. Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката Х. по данному эпизоду также опровергнутой.

Дисциплинарное обвинение в неподаче адвокатом Х. апелляционной жалобы на постановление Т. районного суда города М. от 18 апреля 20.. года

об избрании в отношении Ф. меры пресечения в виде заключения под стражу также нашло подтверждение в результате дисциплинарного разбирательства.

Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу относится к числу судебных решений, непосредственно затрагивающих фундаментальные права доверителя и подлежащих обязательной профессиональной оценке со стороны защитника. Данная обязанность, являющаяся неотъемлемой составной частью профессиональных обязанностей адвоката, предусмотренной пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, конкретизирована пунктом 9 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, согласно которому адвокат по просьбе подзащитного либо по собственной инициативе при наличии к тому оснований обжалует избрание меры пресечения и иные решения и действия (бездействие), нарушающие права и законные интересы подзащитного.

Как установлено в результате дисциплинарного разбирательства и указано выше, постановление Т. районного суда города М. от 18 апреля 20.. года об избрании в отношении Ф. меры пресечения в виде заключения под стражу адвокатом Х. в апелляционном порядке обжаловано не было. Не было им получено и письменное заявление Ф. об отказе от такого обжалования, как это предусмотрено п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката и п. 16 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве.

Совет в этой связи подчеркивает, что реализация права на апелляционное обжалование судебного решения об избрании меры пресечения не относится к вопросам тактики защиты, оставляемым на собственное усмотрение адвоката, а представляет собой базовый элемент профессиональной обязанности защитника в уголовном судопроизводстве.

Тот факт, что постановление Т. районного суда города М. от 18 апреля 20.. года было самостоятельно обжаловано Ф. в апелляционном порядке, лишь подчеркивает неисполнение этой профессиональной обязанности адвокатом Х., поскольку подтверждает отсутствие отказа Ф. от такого обжалования.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката Х. опровергнутой и в этой части.

Оценивая дисциплинарное обвинение, связанное с отказом адвоката Х. от защиты Ф. по уголовному делу № ... с 05 мая 20.. года, Совет исходит из следующего.

В силу требований пп. 6 п. 4 ст. 6, пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, приняв поручение на защиту, адвокат не вправе самоустраняться от участия в деле и прекращать защиту иначе как при наличии предусмотренных законом

оснований и с соблюдением установленного порядка, обеспечивающего непрерывность защиты и соблюдение прав доверителя.

Указанные требования конкретизированы положениями п. 17 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, согласно которому адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты и участвует в уголовном деле до полного исполнения принятых обязательств, за исключением случаев, прямо предусмотренных законодательством и (или) разъяснениями органов адвокатского самоуправления.

Принцип непрерывности защиты также закреплен в п. 15 Правил Адвокатской палаты города М. по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, в соответствии с которым адвокат, принявший на себя защиту по назначению, не вправе без уважительных причин отказаться от исполнения своих обязанностей иначе как в установленном законом порядке, а замена адвоката допускается исключительно на основании мотивированного процессуального решения дознавателя, следователя или суда. Аналогичные положения содержатся в Разъяснениях Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам по вопросам применения п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также в Разъяснениях № 13 Совета Адвокатской палаты города М. по вопросам профессиональной этики адвоката «Об обеспечении непрерывности защиты по назначению». Указанные корпоративные акты приняты органами адвокатского самоуправления в пределах их компетенции и подлежат обязательному исполнению адвокатами в силу пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Как установлено в результате дисциплинарного разбирательства и описано выше, 05 мая 20.. года следователем была инициирована замена адвоката Х. в АИС АПМ без вынесения процессуального решения о замене защитника и в отсутствие предусмотренных ч. 3 ст. 50 УПК РФ оснований для такой замены. Несмотря на это, адвокат Х., уведомленный о данном факте, не принял никаких мер, направленных на восстановление своего участия в защите и недопущение необоснованной замены защитника. Напротив, 06 мая 20.. года адвокат Х. подал следователю ходатайство, в котором выразил согласие на осуществление защиты Ф. другим адвокатом и просил назначить защитника, сославшись на свое нахождение в командировке.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокат Х. фактически прекратил осуществление защиты Ф. с 05 мая 20.. года при отсутствии предусмотренных законом оснований для этого. Его доводы о занятости в иных делах, в том числе в других регионах страны, Совет отклоняет как несостоятельные, поскольку принятая адвокатом обязанность по защите по уголовному делу предполагает заблаговременное принятие мер к надлежащей организации работы, а наличие у адвоката поручений других доверителей не

может являться основанием для прекращения осуществления принятой на себя защиты.

Совет в этой связи особо отмечает, что в рассматриваемой ситуации значимым для оценки профессионального поведения адвоката является не сам по себе факт инициирования следователем процедуры замены защитника, а реакция адвоката на такую ситуацию. В данном случае вместо действий, направленных на защиту права доверителя на получение квалифицированной юридической помощи и недопущение произвольной замены защитника, адвокат Х. не только согласился с заменой защитника, но и сам попросил следователя об этом, тем самым отказался от принятой на себя защиты. Такое профессиональное поведение адвоката Х. также свидетельствует о непонимании им профессиональных обязанностей защитника и его назначения. Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката Х. в части данного дисциплинарного обвинения опровергнутой, а его вину в совершении при описанных обстоятельствах дисциплинарного нарушения – установленной.

Оценивая остальные дисциплинарные обвинения, выдвинутые заявителем, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает, что они не нашли подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства. В заключении Квалификационной комиссии приведены достаточные обоснования этого вывода, с которыми Совет также соглашается.

Так, в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что после вступления адвоката Х. в уголовное дело следственные действия с участием Ф. в ночное время не производились. 16 апреля 20.. года в 22 часа 15 минут следователем был составлен протокол задержания Ф. в порядке ст. 91, 92 УПК РФ, однако задержание подозреваемого не относится к числу следственных действий и может производиться в ночное время в связи с его неотложностью.

Материалы дисциплинарного производства не содержат доказательств, подтверждающих довод заявителя о невручении ему копии постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Напротив, из них следует, что 17 апреля 20.. года Ф. было объявлено постановление о привлечении в качестве обвиняемого, разъяснены сущность предъявленного обвинения и права, предусмотренные ст. 47 УПК РФ, о чем свидетельствуют его собственноручные записи и подписи, а также подпись защитника – адвоката Х. Материалы дисциплинарного производства также не содержат заявлений Ф. или его защитника о том, что копия указанного постановления им выдана не была.

Непринятие адвокатом Х. мер по представлению суду документов о времени фактического задержания Ф. обусловлено невыяснением адвокатом времени фактического задержания доверителя при вступлении в уголовное дело, которому уже дана оценка выше. Дополнительной квалификации это бездействие адвоката не требует.

Доводы о непринятии адвокатом Х. мер по собиранию доказательств, незаявлению ходатайств о проведении следственных действий и

восстановлении процессуальных прав сформулированы заявителем неконкретно и при этом относятся к вопросам тактики осуществления защиты, решения по которым принимаются адвокатом самостоятельно в силу его законодательно установленного статуса независимого профессионального советника по правовым вопросам. Кроме того, адвокат Х. защищал Ф. крайне непродолжительное время, в течение которого он не был ознакомлен со всеми материалами уголовного дела. Неконкретным и бездоказательным является и довод заявителя об умышленном создании адвокатом Х. препятствий в его защите.

Из протокола задержания Ф. усматривается, что о его задержании была уведомлена его мать, которая при наличии заключенного соглашения с каким-либо адвокатом либо намерения пригласить его имела возможность сообщить об этом адвокату Х. Материалы дисциплинарного производства не содержат доказательств того, что вступление адвоката Х. в уголовное дело повлекло нарушение права Ф. на свободный выбор защитника. При этом в период осуществления им защиты Ф. защитник последнего по соглашению в дело не вступил.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Х. за совершенные им дисциплинарные нарушения, Совет учитывает их неоднократный, умышленный и грубый характер, свидетельствующий о неисполнении основополагающих требований к адвокату при участии в уголовном деле в качестве защитника, а также наличие у адвоката Х. неснятого и непогашенного дисциплинарного взыскания в виде замечания, наложенного ранее Решением Совета Адвокатской палаты города М. от 25 сентября 20.. года №

Подобное профессиональное поведение адвоката Х. Совет признает недопустимым и отмечает, что оно ставит под сомнение его способность надлежащим образом исполнять профессиональные обязанности и создает угрозу для авторитета адвокатуры. Совокупность допущенных адвокатом Х. нарушений и их характер свидетельствует не только о ненадлежащем отношении к исполнению профессиональных обязанностей, но и о явно недостаточном уровне профессиональной квалификации.

Вместе с тем, Совет принимает во внимание, что адвокат Х. имеет небольшой профессиональный стаж, частично признал допущенные нарушения, что дает основания полагать о наличии возможности корректировки его профессионального поведения.

При таких обстоятельствах Совет предоставляет адвокату Х. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Кроме того, Совет считает необходимым указать адвокату Х. на необходимость надлежащего исполнения законодательно установленной обязанности постоянно совершенствовать профессиональные знания самостоятельно и повышать профессиональный уровень в установленном порядке (пп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города М.

решил:

Применить к адвокату Х. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

– ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с пп. «а», «г» п. 4 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (Принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года), исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Ф., выразившееся в невыяснении им времени фактического задержания Ф. и, как следствие, в невнесении им в протокол задержания Ф. от 16 апреля 20.. года замечаний с указанием сведений о времени его фактического задержания, имевшего место еще в 23.30 час. 15 апреля 20.. года, а также о нарушении следователем при составлении протокола задержания требований ч. 1 ст. 92 УПК РФ;

– неисполнение, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, профессиональных обязанностей перед доверителем Ф., выразившееся в незаявлении ходатайств об устранении нарушений прав Ф. на дачу показаний в качестве подозреваемого и обвиняемого, предусмотренных п. 2 ч. 4 ст. 46 и п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, при проведении следователем СО ОМВД России по району С. города М. капитаном юстиции Ч. его допросов 17 апреля 20.. года;

– неисполнение, вопреки предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 во взаимосвязи с п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, профессиональных обязанностей перед доверителем Ф., выразившееся в неподаче апелляционной жалобы на постановление Т. районного суда города М. от 18 апреля 20.. года об избрании в отношении Ф. меры пресечения в виде заключения под стражу;

– ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 6 п. 4 ст. 6, пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в

Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 17 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Ф., выразившееся в отказе с 05 мая 20.. года от осуществления его защиты по уголовному делу № ..., находящемуся в производстве СО ОМВД России по району С. города М..

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Х. по жалобам Ф. от 07 июля 20.. года (вх. №.. от 15.09.20..) и от 10 июля 20.. года (вх. № ... от 06.11.20..), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката Х. нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города М.**

С.Б. Зубков